

DOI: 10.31857/S086919080011739-9

СУДЬБА РУССКОГО ЯЗЫКА В КАЗАХСТАНЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Н.П. КОСМАРСКАЯ ^a, И.С. САВИН ^b
^{a, b} – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
 ORCID: 0000-0002-0122-3375; kosmarskis@gmail.com
 ORCID: 0000-0001-6812-7014; savigsa@inbox.ru

Резюме: В российском публичном и академическом дискурсе настоящее и будущее русского языка в постсоветских странах неотделимо от усилий России, направленных на помощь «соотечественникам». В статье показано на примере Казахстана, что в силу особенностей имперско-советского освоения территорий, занимаемых сейчас странами Центральной Азии, важной чертой русскоязычного культурного пространства является здесь его надэтнический характер: кроме собственно русских, оно массово охватывает представителей других этнических групп, прежде всего титульной. Основываясь на результатах полевых исследований в Алма-Ате, авторы предлагают корректировки российской политики «мягкой силы» с учетом специфики различных социально-демографических групп казахов.

Ключевые слова: Казахстан, русскоязычное пространство – история становления, языковая политика после 1991 г., соотношение казахского и русского языков, лингвокультурные предпочтения студентов, «мягкая сила» России.

Для цитирования: Космарская Н.П., Савин И.С. Судьба русского языка в Казахстане: возможности и барьеры использования российской «мягкой силы». *Восток (Oriens)*. 2020. № 5. С. 119–130. DOI: 10.31857/S086919080011739-9

DESTINIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN KAZAKHSTAN: RECONSIDERING TOOLS AND GOALS OF RUSSIA'S «SOFT POWER»

Natalya P. KOSMARSKAYA ^a, Igor S. SAVIN ^b
^{a, b} – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
 ORCID: 0000-0002-0122-3375; kosmarskis@gmail.com
 ORCID: 0000-0001-6812-7014; savigsa@inbox.ru

Abstract: The article explores the present role and future of the Russian language in the Republic of Kazakhstan. It contrasts state language policies and the views of ordinary Kazakhstani citizens, recorded mainly in interviews (including expert ones) and focus-group discussions with students of various Almaty universities conducted in 2016 and 2017. Attention is focused on the views of Kazakh students, members of the so-called “Nazarbayev generation” because from their ranks future elites will be recruited.

Suggesting that the Russian linguistic-cultural space in Central Asia is largely a historically rooted phenomenon and has not been genuinely dependent on Russia, the authors suggest that the Russian Federation needs to readjust its external language and culture promotion so far geared almost

exclusively to the so-called “compatriots” and seriously take into consideration the needs of another, more numerous target-group. These are the titular (Kazakh) Russian-speakers of various age and social status – now they comprise the larger part of those whose Russian language skills are on the native or near-to-native level.

Drawing on the results of empirical research, authors suggest that Russia’s efforts geared at the preservation and development of the Russian linguistic and cultural space in Kazakhstan need to be restructured in order to overcome the “sedative” effect of the too familiar environment inherited from the Soviet past and acknowledge the potential of the local “mobilizing” factors making this restructuring a very topical task. Among these factors are the specifics of cultural globalization in Kazakhstan, and Russia’s competition with some other international players in Central Asia.

Keywords: Kazakhstan, formation of Russian linguistic-cultural space, language policies after 1991, state language vs the Russian language, linguistic attitudes of students, “soft power” of Russia.

For citation: Kosmarskaya N.P., Savin I.S. Destinies of the Russian Language in Kazakhstan: Reconsidering Tools and Goals of Russia’s “Soft Power”. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 5. Pp. 119–130. DOI: 10.31857/S086919080011739-9

По численности русскоязычного населения Республика Казахстан (РК) занимает третье [Алишариева, Ибраева, Протасова, 2017, с. 234], а по другим оценкам – четвертое место в мире [Blackburn, 2019, р. 217]¹. Численность и доля русских в этой стране продолжает оставаться, несмотря на мощные миграции первого постсоветского десятилетия, наиболее высокой среди стран Центральной Азии (ЦА) – более 3 588 000 человек в 2018 г., а вместе с другими «европейцами» – украинцами, белорусами, немцами, татарами и др., достигает 4,3 млн человек, или 27% населения страны [Blackburn, 2019, р. 231, 232]. Весь спектр социально чувствительных вопросов, связанных с этнолингвистической ситуацией, языковой политикой и статусом русского языка, с первых лет независимости привлекал большое внимание исследователей. Это во многом объясняется ролью РК как ведущего стратегического партнера России, члена Евразийского экономического союза (с 2015 г.) и ряда региональных военно-политических объединений с ее участием.

На фоне публикаций 1990-х и первой половины 2000-х гг. выделяются монографии Б. Давэ [Dave, 2007], а также М. Ларюэль и С. Пейруза [Ларюэль, Пейруз, 2007]. Хотя они не посвящены полностью этноязыковым проблемам страны, эта тематика занимает в обеих книгах важнейшее место. Последующие годы отмечены затишьем в освещении темы, однако начиная с 2015 г. наблюдается новый подъем интереса к положению русского языка в Казахстане и смежным сюжетам. Так, появились работы, авторы которых обратились к проблемам идентичности этнокультурных и демографических групп (включая русских и других «европейцев») на новом временном витке. Имеется в виду выход на социально-политическую сцену нового поколения казахстанцев, чья социализация прошла уже в период независимости (так называемое поколение Назарбаева); выросло и новое поколение «европейцев», которым, в отличие от их родителей, не довелось пережить трудностей перехода от статуса «большинства» к положению «меньшинства» [Jašina-Schäfer, 2019(1), р. 107]. Хотя в центре внимания авторов этих работ не русский язык *per se*, они не могли избежать обращения к актуальным смежным сюжетам: сравнительные оценки статуса русского и титульного языков; лингвокультурная компетенция и социальное самочувствие различных этно-демографических групп в условиях расширения сферы использования

¹ Различия в оценках, видимо, объясняются тем, включены ли в категорию «русскоязычное население» многочисленные представители титульной группы, свободно владеющие русским языком.

казахского языка [Алишариева, Протасова, 2016; Blackburn, 2019; Jašina-Schäfer, 2019(1); 2019(2); Laruelle, 2019].

В имеющихся работах вопрос о поддержке Россией русскоязычной культурной среды в РК привычно рассматривается в связке с проблемами русских и официальным дискурсом об особой ответственности России за сохранение русского языка в тех странах, где проживают его носители – российские «соотечественники» (см., напр.: [Jašina-Schäfer, 2019(1), p. 105–106; 2019(2), p. 44]. Однако важнейшей чертой русскоязычного культурного пространства в Казахстане является его над-этнический характер. Кроме собственно русских и других «европейцев», оно охватывает представителей иных этнических групп, в первую очередь самих казахов: «носителями русского языка в стране являются сегодня преимущественно нерусские» [Алишариева, Ибраева, Протасова, 2017, с. 236]. В статье мы посмотрим на ситуацию вокруг русского языка в стране и на возможное влияние в этой связи «фактора России» с неожиданной стороны: с точки зрения лингвокультурных компетенций и мнений титульной группы.

Сначала будет кратко очерчена роль России в становлении русскоязычного пространства в республике в имперско-советский периоды. Далее мы обратимся к новациям в соотношении казахского и русского языков в последние годы и к тому, как ситуация вокруг русского языка оценивается и регулируется «сверху», т.е. властями РК, и как она видится «снизу», т.е. рядовыми жителями.

Наконец, в заключительной части мы зададимся следующими вопросами. В какой мере существование русского языка и основанной на нем культуры зависят сейчас от политики России? Какие корректировки в нее стоило бы внести, если рассматривать в качестве главных носителей/ценителей/хранителей русского языка и культуры в РК не только «соотечественников», но и членов титульной группы?

Эмпирической базой статьи являются 10 дискуссий на фокус-группах со студентами Алма-Аты и 15 интервью с экспертами, проведенные авторами в РК в 2016 и 2017 гг. в рамках международного проекта «Образы России в Евразии: память, идентичность, конфликты» (при поддержке РГНФ-РФФИ, грант №16-21-19003/17-ОГОН).

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В ходе имперского освоения различных территорий русский язык и культура во многом лишились этнических коннотаций и эмоциональных связей с русскими как с этнической группой, начали «жить своей собственной жизнью». Так, в досоветский период идентичность русских поддерживалась как идентичность мотора колонизации, а их русификаторские усилия имели своей целью не ассимиляцию в этническом смысле, а воспитание лояльности Российской империи. После революции 1917 г. эти тенденции поддерживались определенной преемственностью в политике властей: русско-советская культура развивалась как идеологическая основа сохранения режима, а не как инструмент поддержки русского этнического сознания.

Русский язык и культура, в этом контексте, не были ценностью исключительно русских (равно как и главным их этническим маркером). Для самих русских и представителей других пришедших на имперские окраины этнических групп, а также для обрусевших автохтонов русскокультурная среда была неотделима от советизированно-городского образа жизни, присущих ему ценностей и привычек. Она отнюдь не воспринималась как набор фольклорных стереотипов «русскости».

На описанный исторический фон наложились специфические черты освоения в до-революционное и, главное, в советское время тех территорий, которые занимают сейчас

страны ЦА [Kosmarskaya, Kosmarski, 2019, p. 71–79]. Учитывая специфику этого региона и населяющих его народов, русские и другие «европейцы» оказались там в роли социальных и индустриальных «культуртрегеров». В итоге вмешательство извне послужило очевидным стимулом развития народов региона – их включили в русло научно-технического прогресса, дали многие знания и навыки, отвечающие требованиям той эпохи; приобщили их к одному из ведущих мировых языков и созданной на его основе высокой культуре. Правда, плата за вхождение в цивилизацию оказалась немалой – сильно пострадали национальная самобытность, язык, традиции. В первую очередь это относится к представителям тех племен, которые мы сейчас называем киргизами и казахами. Степень их русификации была выше из-за их кочевого образа жизни, а также из-за отсутствия у них письменности в доимперский период.

Главной ареной тесного взаимодействия «европейцев» и представителей автохтонных групп стали в странах региона города, прежде всего столицы. Именно там в советское время сформировалась особая прослойка казахов и киргизов, сильно отличающихся от своих сельских соплеменников по образу жизни и языковым предпочтениям². В Казахстане таких казахов называют «асфальтовыми казахами». Русско-титulyный билингвизм (или даже полное русскоязычие) до сих пор очень распространены среди титульных групп стран региона ЦА, включая их элиты [Fierman, 2012; Kosmarskaya, Kosmarski, 2019, p. 71–79].

РУССКИЙ ЯЗЫК В КАЗАХСТАНЕ В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ: ВЗГЛЯД «СВЕРХУ»

Распад СССР и наступление эпохи независимости в ЦА привели к коренным сдвигам в соотношении статусов русского и титульных языков *de jure* и *de facto*. Последние обрели статус «государственных языков» на конституционном уровне и начали быстро развиваться с точки зрения масштабов и сфер их использования (особенно это относится к казахскому и киргизскому языкам). Началось их активное проникновение в те области, где в советское время их присутствие было малозаметно, особенно в городах: начальное и среднее образование; СМИ, книгоиздание. В столицах и крупных городах расширилось пространство использования титульных языков на бытовом уровне – из-за роста числа выпускников школ с обучением на этих языках, а главное, из-за массового притока в города сельских трудовых мигрантов.

В РК современную этнолингвистическую ситуацию характеризует поступательное завоевание государственным языком новых сфер применения, рост его престижа и интереса к его изучению (см., напр.: [Shaibakova 2019]). При этом сохраняется, несмотря на постепенное снижение численности русских и других «европейцев», значимость русского языка в качестве важнейшего инструмента приобщения к мировой культуре, науке, технологиям. Русский также выполняет важную роль *lingua franca* в широком коммуникативном пространстве, связывающем Казахстан, Россию и другие постсоветские страны. Более того, в соответствии с Конституцией, при официальных контактах использование русского языка допускается наравне с казахским [Jašina-Schäfer, 2019(1), p. 103; Friess, 2019, p. 151].

Постсоветские переписи фиксируют высокую распространенность владения русским языком среди казахов, которые в силу демографических причин постоянно увеличивают свою долю в населении страны. Вот почему можно констатировать, что «Казахстан является одной из немногих постсоветских стран, где почти все жители используют русский с теми или иными целями» [Shaibakova, 2019, p. 123]. По переписи 2009 г., понимали устную

² По данным этнографа О. Наумовой, в 1989 г. около 3/4 городских казахов не использовали казахский язык в повседневном общении (цит. по: [Dave, 2007, p. 52]).

русскую речь 92% казахов, свободно писали 83,5, а свободно читали – 79% [*Итоги национальной переписи*, 2011, с. 24; Morrison, 2017]. Как отметила М. Ларюэль, от переписи к переписи эти цифры возрастают (если сравнивать ситуацию 1989, 1999 и 2009 гг.). Ожидаемая в ближайшие годы новая перепись покажет, насколько данный тренд устойчив [Laruelle, 2019, p. 8].

Хотя лингвистическая «казахизация» (продвижение казахского языка во все сферы социальной жизни) продолжает оставаться важнейшей чертой процесса национального строительства, языковая политика осуществляется взвешенно и осторожно, с учетом ряда социальных и геополитических факторов. Важнейшие из них – тесные экономические и военно-политические связи с Россией, а также проживание в РК все еще значительного числа русских и представителей других групп, исторической родиной которых является Россия.

События последних лет (кризис вокруг Украины), на наш взгляд, не ослабили, а скорее усилили в глазах руководства страны³ значимость «фактора России» при планировании языковой политики. Например, дискуссии о языках с требованиями пересмотреть статус русского, как правило, не выходят в стране на общегосударственный уровень. Как отметили эксперты (2016 г.), по негласному «совету» властей главным телеканалам, последним нужно было избегать трансляции острых дискуссий о русском языке (обычно инициируемых представителями «национально-ориентированных» интеллигенции и политической элиты). Эксперты связывали данный факт со стратегическим сближением Казахстана с Россией в последние годы и с участием страны в Евразийском экономическом союзе.

А. Яшина-Шофер обратила внимание на стремление Н. Назарбаева укрепить «многонациональное единство» в стране, чтобы не допустить межэтнических конфликтов по украинскому сценарию. Упомянув о том, что он предложил ввести наказание за нарушение закона о языках, она уточняет: «По мнению президента, в организациях и учреждениях любой гражданин имеет право получить ответ на том языке, на котором он обращается к официальному лицу – это четко показывает, что общение на казахском не является обязательным» [Jašina-Schäfer, 2019(1), p. 104].

Расширение круга людей, в той или иной степени знающих казахский и использующих его в различных ситуациях общения, связано не столько с политикой, сколько с демографией. Повышенная рождаемость среди казахов и продолжающийся, хотя и незначительный в сравнении с 1990-ми гг., отток из страны русских и других «европейцев» привели к тому, что доля казахов в молодых возрастных когортах возрастает. Отсюда изменения в соотношении языков обучения в системе среднего образования. В 2003 г. 55% учеников обучались на казахском языке, 41% – на русском. Через 15 лет, в 2018 г., это соотношение выглядит как 66 и 31%. Однако с 2015 г. стало заметным изменение предшествующего тренда: стало расти число учеников, обучающихся на русском (802 тыс. человек в 2014/2015 г., 832 в 2015/2016 г., 871 тыс. в 2016/2017 г. и 910 тыс. в 2017/2018 г.) [Laruelle, 2019, p. 9]. По подсчетам И. Савина на основе данных, предоставленных Агентством по статистике, русский остается языком, на котором среднее образование получает сейчас почти треть всех школьников Казахстана, в том числе около полумиллиона человек, не являющихся русскими.

Итоги развития этноязыковой ситуации в РК подводит М. Ларюэль: «Если русский выдерживает все трудности или, возможно, даже расширяет сферу своего применения, это делается не за счет казахского языка. Напротив, сейчас ситуация выглядит так, что оба

³ Уход президента с поста в марте 2019 г. не сильно изменил систему лидерства в стране. По мнению А. Биссеновой, «Назарбаев все еще мощная фигура, влияющая на выбор путей развития страны» [Bissenova, 2019, p. 271].

языка усиливают (или, по меньшей мере, сохраняют) свои позиции; отсюда следует, что амбициозные планы властей добиться свободного владения казахским и русским почти всеми жителями страны вполне реалистичны» [Laruelle, 2019, p. 8].

МЕЖДУ ПРАГМАТИЗМОМ И ЭМОЦИЯМИ. РУССКИЙ ЯЗЫК В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ: ВЗГЛЯД «СНИЗУ»

Что думают рядовые граждане страны, действующие в вышеописанных реалиях, о роли русского и казахского? Каковы их собственные лингвистические компетенции, касающиеся двух языков? Учитывая повышенный интерес исследователей к мироощущению нового поколения казахстанцев, выросшего в условиях независимости, мы представим здесь результаты обсуждения языковых проблем со студентами различных вузов Алма-Аты (2016, 2017 г.). Образованная молодежь – это та группа, из которой будут формироваться будущие элиты. Именно перед ней встанет через одно-два десятилетия сложная задача такого развития этноязыковой ситуации, которое будет поддерживать баланс интересов разных этнокультурных групп населения и учитывать потребности глобализации.

Дискуссии на фокус-группах в полной мере отразили возникшие за годы независимости РК новации в языковой сфере – если описать их крупными мазками. Представленные студентами фрагменты языковых биографий показывают широкую вариативность моделей билингвизма, свойственного титульному населению постсоветского Казахстана, в том числе и молодежи.

Судя по самоописаниям лингвистических навыков и практик, студенты «дружат» с русским языком, широко используют его в учебе, для приватного и профессионального общения в университетской среде. В ходе дискуссий, однако, выявились и заметные различия в интерпретациях участниками этноязыковых проблем в РК.

Студенты элитных вузов, где учатся за плату в основном жители «южной столицы» из обеспеченных семей и где обучение проходит в том числе и на английском языке, продемонстрировали ярко выраженный прагматизм при обсуждении сюжетов, связанных с нынешней ролью и будущим русского и титульного языков в Казахстане. Именно студенты таких вузов чаще всего говорили о ценности русского как инструмента для решения разнообразных задач аккумуляции знаний и социального продвижения. В похожем инструментальном ключе многими участниками упоминалась и Россия, где, по мнению студентов, лучше развиты наука, образование, много хороших учебников и другой литературы по разным областям знаний.

С тем же прагматизмом обсуждался казахский язык. Признавалась значимость этого языка «вообще» при одобрении политики массового двуязычия в стране, но при обращении к личным планам улучшить знание казахского языка подчеркивалось, зачем ставились подобные цели. При этом недостаточное знание казахского не сопровождалось, судя по словам участников, какими-либо переживаниями: *«Казахский я знаю не очень хорошо. Я не считаю, что мне должно быть стыдно, что я его не знаю, но я все равно буду изучать казахский – в будущем мне это пригодится»*.

Квинтэссенцией прагматичного подхода к языкам является следующее высказывание студента одного из элитных вузов: *«Я даже против изучения казахского языка. Я сам казах, меня с самого детства упрекают, что я не знаю казахский; мне это, честно, надоело. Я смотрю на язык как на средство общения, больше ничего. Это просто инструмент, и русский при занятиях наукой, политикой – более удобный инструмент»*.

Студенты из регионов, многие из которых обучались за государственный счет (фокус-группы с такими студентами прошли на нескольких факультетах КазНУ), продемон-

стрировали гораздо меньше прагматизма и больше эмоций. Отмечая, как и остальные участники дискуссий, пользу от знания русского языка, именно о казахском языке говорилось более пространно и более эмоционально: *«Сейчас очень престижно и, я бы сказала, очень круто знать казахский язык. Именно казахский язык, на самом деле, очень богат в литературном плане, там очень много красивых слов»*. Кроме радости, связанной с красотой языка, его нынешнее состояние, по мнению этой группы участников, ассоциируется со стыдом, грустью, печалью: *«Печалит, что у нас казахи во многом забывают свой родной язык и общаются на русском. Даже в Китае есть тесты: укажите, пожалуйста, народ, который не разговаривает на своем родном языке. Там был правильный ответ – казахи. Это очень печально. Но все-таки я думаю, что русский язык нам нужен и необходим»*.

В различных подходах студентов к этнолингвистической ситуации проявляют себя неоднородность современного казахстанского общества, значимость разделяющих его социально-статусных границ. Ситуация в студенческой среде воспроизводит похожие социальные разломы в отношении к русскому языку и культуре среди более старших групп казахов. Имеются в виду различия в первую очередь по социальному статусу: сельские жители *versus* образованные горожане (см. [Kosmarskaya, Kosmarski, 2019, p. 86–87]). Русскоязычие (часто идущее рука об руку со слабым владением казахским языком) является одним из основных маркеров, отличающих «городских» казахов от их сельских соплеменников (наряду с более высоким профессионально-образовательным статусом). Как эта неоднородность казахстанского социума по отношению к этноязыковой ситуации может и должна учитываться Россией?

РУССКОЯЗЫЧНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КАЗАХСТАНЕ: ЧТО ЗАВИСИТ ОТ РОССИИ?

Посредством переноса центра тяжести с этнических на политико-идеологические ценности и приоритеты имперско-советский Центр сформировал в Казахстане (как и в регионе в целом) ту модель культурно-лингвистического доминирования, которая и привела в итоге к превращению русского языка и существующей на его основе культуры в над-этнический феномен. Он до сих пор определяет образ жизни, ценности и способы коммуникации титульных элит и значительных масс титульного населения (наряду с собственно русскими и другими «европейцами»). Такого рода исторически обусловленная укорененность русского языка и культуры именно в титульной среде обусловила их превращение, по сути, в самовоспроизводимое на местной почве явление. Об этом неоднократно говорили казахстанские эксперты:

– «И. (интервьюер). Русскоязычное пространство существует здесь отдельно от России в виде воспоминаний, в виде привычного продукта?

Р. (респондент). Даже не воспоминаний, привычного продукта; это уже другой контент. Самовоспроизводимый» (казах, историк; Алма-Ата, 2016 г.);

– «Казахская элита и вообще весь казахский образованный класс – он русскоязычен, и русскоязычие у казахов воспроизводится не хуже, чем у русских. Если бы теоретически вдруг из Казахстана исчезли все русские, русскоязычие бы осталось и воспроизводило бы себя в казахском варианте... Казахское этнократическое государство само является частью русского языка и русской культуры» (русский, депутат; Алма-Ата, 2016 г.).

Укорененность русского языка и культуры в «местной» почве распространяется и на профессиональную культуру (литературное творчество, кино и пр.)⁴. Британский историк А. Моррисон, опираясь на свой опыт преподавания в университете в Астане, проводит

⁴ О русскоязычной литературной среде Казахстана см., напр.: [Morrison, 2017; Friess, 2019].

аналогию с ролью английского языка в Индии и показывает, что «русский во всех смыслах – это казахстанский язык; казахстанцы внесли свой вклад в создание большого русского литературного наследия, выпестовали свою особую русскоязычную культуру». Здесь живет «русскоязычный мир... который выходит за границы Российской Федерации и не обязательно идентифицирует себя с ней или с этнической русскостью» [Morrison, 2017].

В публичном пространстве стран ЦА значимое место занимает также противоположная идея: существование русского языка в странах региона с заметным присутствием там русских является своего рода «продолжением России» и в решающей степени зависит от ее усилий. Однако эта идея имеет и своих противников; она воспринимается как «наследие колониализма» и видится как отрицание укорененности русского языка в местной почве. В этом смысле показательны дискуссии в Киргизии, где роль и статус русского языка (он по Конституции считается «официальным») в целом повторяют казахстанскую ситуацию.

Г. Мамедов, опираясь на материалы издаваемого в Бишкеке с 2011 г. при содействии Фонда «Русский мир» журнала «Русское слово в Кыргызстане», показывает, что основной доминирующей в стране дискурса в защиту русского языка являются следующие положения, активно продвигаемые журналом: «главнейшей, если не единственной, функцией русского языка в Кыргызстане является обеспечение связи с Россией и “русской культурой”»; «существование русского языка в Кыргызстане напрямую зависит от правительства России» [Мамедов, 2012]. Исследователь полагает, что подобный дискурс на самом деле, вопреки благим намерениям его носителей, ведет к «укреплению отчуждения в отношении русского языка в обществе»: «Настойчивое увязывание русскоязычия в Кыргызстане с Россией наряду с почти полным отсутствием нарративов, рассматривающих русский язык как один из кыргызстанских автохтонных языков... и как важнейший медиум коммуникации и самовыражения для значительной части населения Кыргызстана, закрепляет... мнение: русский язык в Кыргызстане существует благодаря финансовой поддержке и в интересах России, и если эта финансовая поддержка прекратится, а Россия потеряет интерес к Кыргызстану, то и необходимости в русскоязычии в КР не будет» [Мамедов, 2012].

Дискурс, жестко увязывающий судьбу русского языка в ЦА с «заботой России», отражает идеологию «русского мира», на которую опираются в своей деятельности российские организации, ответственные за сотрудничество со странами СНГ. Речь идет о рассмотрении русских и иных «соотечественников» как главной целевой группы в практической работе этих институций. Имплицитно ход мыслей, видимо, таков: русских из-за миграций и низкой рождаемости в регионе все меньше, кто же еще поможет сохранению там русского языка и культуры, как не Россия?

Авторы статьи, как отмечалось выше, разделяют принципиально иную идею о том, что русскоязычное культурное пространство в ЦА, и в частности в Казахстане, – произрастающий на местной почве продукт, который активно используется разными этническими группами. Не означает ли это, что от России мало что зависит и ее помощь не нужна? С этим нельзя согласиться по целому ряду причин.

Во-первых, сама по себе распространенность русскоязычия среди казахов – не причина и не гарантия их позитивного отношения к России. Русскоязычными являются представители правящих элит, с весьма разнонаправленными взглядами, а также немногочисленные, но заметные в сетевых дискуссиях национал-патриоты.

Во-вторых, за пределами русскоязычных пространств крупных городов проживают казахоязычные казахи, носители титульно-русского билингвизма. Они могли бы стать благодарными реципиентами российской культурно-образовательной помощи, однако ни они, ни Россия пока об этом не догадываются (в первую очередь речь идет о сельской молодежи).

В-третьих, в ЦА активно действуют другие крупные игроки, заинтересованные в лояльности местных элит и различных слоев населения. Это прежде всего США, Китай; в последние годы – Индия [Летняков, Емельянова, 2017, с. 126–135].

Перечисленные факторы пока еще слабо выполняют свою «мобилизующую» функцию «холодного душа» для российских структур. Обратимся к мнению казахстанских экспертов:

– «Россия не работала по образованию лояльного пространства здесь. Американцы работали, китайцы работали, турки, иранцы, саудиты. Я российское пространство вообще не вижу» (казах, историк; Алма-Ата, 2017 г.);

– «Если Россия... на самом деле хочет на этом рынке быть, она должна идти в казахскую среду... И в этом отношении Китаю можно только умиляться, как они двигаются» (казах, журналист; Алма-Ата, 2016 г.).

Д. Летняков и Н. Емельянова, изучая особенности российской политики «мягкой силы» в ЦА, приходят к выводу о ее «низкой эффективности с точки зрения формирования позитивного имиджа России в постсоветских государствах». Важнейшими причинами такого положения дел они считают «узкую целевую аудиторию» (ориентация на «русский мир»), а также то, что «*soft power* России совершенно лишена креатива, ее акторы действуют шаблонно, по давно отработанным моделям, не заботясь об их результативности»⁵ [Летняков, Емельянова, 2017, с. 123, 124–125].

С этими выводами можно согласиться, но необходимо сделать важное дополнение: именно в ЦА, и в частности в Казахстане, действуют факторы, «расслабляющие», «усыпляющие бдительность» российских структур. Из-за этого региону не уделяется должного внимания на психологическом, институциональном и финансовом уровнях. Как отмечает М. Ларюэль, основные усилия по поддержке «русского мира» в постсоветских странах направлены не на Центральную Азию, где власти в целом лояльны и к России, и к проживающим на их территории русским, а на страны Балтии, Молдавию, Грузию, где русскоязычные меньшинства существуют в недружелюбной среде, а элиты «сопротивляются реализации российских интеграционных проектов, нацеленных на эти меньшинства» [Laruelle, 2015, p. 18; Friess, 2019, p. 169].

Второй «расслабляющий» момент – это одновременно следствие и причина первого. Речь идет о плотной сети социально-культурных связей, которая сложилась между Россией и странами региона еще в советское время [Интеграционный барометр ЕАБР, 2017, с. 15]. Эта сеть одновременно и способствует сохранению прежнего чувства культурно-языковой общности, и во многом существует благодаря сложившейся в советское время схожести культурных кодов и менталитета. В наибольшей степени этот вывод относится к Казахстану.

Чем проявляет себя «связанность» с Россией с казахстанского берега? Это многообразные контакты казахстанцев с российскими казахами и россиянами, ранее проживавшими в стране⁶, а также весомое место российских СМИ, прежде всего телевидения, в медийном пространстве РК (см., напр.: [Космарская, 2020]). Из всех стран СНГ именно в РК проявляется самый сильный интерес к приглашению артистов, писателей, музыкантов из России,

⁵ Имеется в виду упор на создание в различных странах мира сети Российских центров науки и культуры. Здания строятся, в них вкладываются средства, а что происходит потом, мало кого волнует. Подобные мнения неоднократно высказывались экспертами в Казахстане.

⁶ Так, по данным учета пограничных служб двух стран, в 2017 г. из РК в Россию было совершено 3,5 млн поездок, а в обратном направлении — 3,0 млн [Туристические потоки..., 2018]. Эти огромные цифры отражают исторически сложившееся многообразие человеческих контактов через границу России и Казахстана, являющуюся самой длинной сухопутной границей в мире (около 7,5 тыс. км), а также этно-демографические особенности двух стран. В Казахстане, как отмечалось выше, все еще значительна численность русских, а в России издавна проживают казахи (около 650 тыс. человек).

к закупкам российских книг, кинофильмов, сериалов и пр. [*Интеграционный барометр ЕАБР*, 2017, с. 30, 74].

Узнаваемая и комфортная среда казахстанских городов (с точки зрения менталитета, культурных привычек, звучащего языка и пр.) – а именно в городах действуют различные российские организации, – действительно, может расслаблять, порождать иллюзию благополучия. Зачем что-то придумывать, проявлять «креатив», привлекать дополнительные ресурсы для продвижения русского языка и культуры, раз вокруг и так «свои люди», всюду слышна русская речь?

На наш взгляд, работу России по сохранению и развитию русскоязычной культурной среды в РК нужно перестроить так, чтобы преодолеть «успокаивающий» эффект унаследованной от советского прошлого «знакомой среды» и учесть в полной мере наличие описанных «мобилизующих» факторов⁷. По сути, речь идет о том, как наиболее эффективно реализовать политику «мягкой силы» в условиях, когда международная конкуренция высока, а ресурсно-экономический и ценностно-идеологический потенциал страны несопоставим с тем, чем располагал СССР. Действительно, прошли те времена, когда работала формула, по В. Маяковскому, «я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».

Как могли бы выглядеть скорректированные направления и принципы российской политики в Центральной Азии? При всей важности возведения все новых центров русской культуры необходимо повернуться лицом к людям – конкретным потребителям услуг и получателям помощи от России, причем тут важно учитывать специфику региона и отдельных стран.

Так, если Киргизия является поставщиком сотен тысяч трудовых мигрантов в Россию (поэтому повышение их лингвокультурных компетенций могло бы стать ключевой сферой приложения усилий российских структур), случай Казахстана иной: люди, которые едут отсюда работать в Россию – в основном квалифицированные специалисты. В РК высок интерес к российскому образованию – его граждане являются самым крупным по численности отрядом иностранных студентов российских вузов – 39,7 тыс. человек в 2017 г. [Шкуренок, Егупец, 2019]. Дальнейшие усилия, на наш взгляд, стоит направить на то, чтобы численность обучающихся бесплатно студентов из РК не только резко выросла, но и включала все больше казахов, причем из разных, более «традиционных» и более модернизированных регионов страны. В этом случае, в отличие от «соотечественников», велика вероятность их возвращения на родину после обучения, что позволит эффективно поддерживать культурно-языковую полифонию в Казахстане и повысить там уровень «лояльности» по отношению к России.

Если говорить более обобщенно, усилия России должны быть направлены на работу с носителями разных политических взглядов из разных этнических, социально-профессиональных и возрастных групп, – и с интересующейся творчеством А.С. Пушкина городской интеллигенцией, и с сельчанами, живущими в мире традиционной казахской культуры; с людьми старшего поколения, воспитанными на советских фильмах, и с молодежью, считающей русский важным инструментом построения карьеры, но, возможно, мечтающей поехать учиться в Америку.

Важно продолжать работать в рамках уже апробированных «значимых, не декларативных» программ. Это, например, поддержка основанных на русском языке среднего и высшего образования, научной сферы, которые испытывают в ЦА постоянную нехватку ресурсов. Такая помощь действительно могла бы способствовать «формированию лояльной России интеллектуальной элиты» [Летняков, Емельянова, 2017, с. 124]. Однако стоит

⁷ Этот вывод относится, с некоторыми вариациями, и к другим странам региона с достаточно развитым русскоязычным культурным пространством (Киргизия, Узбекистан).

подумать и о нетривиальных шагах по поддержке русскоязычного культурного пространства в регионе, и в частности в Казахстане. Напомним о триумфально шествующем по миру британском телесериале «Аббатство Даунтон», что является признанием высокой эффективности британской «мягкой силы»⁸. В нашем случае специально подобранные для местной аудитории российские фильмы, сериалы, спектакли могли бы удовлетворить растущую, особенно среди молодежи, социально-психологическую потребность в культурной продукции, напоминающей о «морали» и «добrote»⁹.

В итоге, успех действий России по поддержке русского языка и культуры в Казахстане во многом зависит от того, смогут ли эти действия удовлетворить как заметную потребность в эмоциях (причем связанных не только с казахским языком, но и с русским), так и существующие среди разных этносоциальных групп прагматичные ожидания по поводу роли языков в стране и в судьбах отдельных людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алишариева А., Ибраева Ж., Протасова Е. Казахстанский русский: взгляд со стороны. *Ab Imperio*. 2017. № 4. С. 231–263 [Alisharieva A., Ibraeva Zh., Protasova E. Kazakhstani Russian: An Outsider's View. *Ab Imperio*. 2017. No. 4. Pp. 231–263 (in Russian)].

Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. Доклад № 46. СПб.: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 2017 [*Integration Barometer. Report No. 46*. Saint-Petersburg: Center of Integration Research of Eurasian Development Bank, 2017 (in Russian)].

Итоги национальной переписи Республики Казахстан 2009 г. Аналитический отчет. Астана, 2011 [*Results of the National Census of Kazakhstan, 2009. Analytical report*. Astana, 2011 (in Russian)].

Космарская Н. Какой видит Россию молодежь постсоветских стран? Мнения студентов Казахстана. *Россия и современный мир*. 2020. № 1. С. 186–203 [Kosmarskaya N. How Russia is Viewed by the Youth of Post-Soviet Countries? Attitudes of Kazakhstani Students. *Russia and the contemporary world*. 2020. No. 1. Pp. 186–203 (in Russian)].

Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане. *История, политика, идентичность*. Под ред. Н. Космарской. М.: Наталис, 2007 [Laruelle M., Peyrouse S. “Russian Question” in Post-Soviet Kazakhstan. *History. Politics. Identity*. Ed. by N. Kosmarskaya. Moscow: Natalis Press, 2007 (in Russian)].

Летняков Д.Э., Емельянова Н.Н. Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия. *Мир России*. 2017. № 4. С. 118–142 [Letnyakov D., Emel'yanova N. “Soft Power” Strategies in Post-Soviet Central Asia: Russia versus the USA, China, and India, *Mir Rossii*. 2017. No. 4. Pp. 118–142 (in Russian)].

Мамедов Г. Русский язык в Кыргызстане: дискурс и нарративы (по материалам журнала «Русское слово в Кыргызстане»). 17.09.2012 [Mamedov G. Russian Language in Kyrgyzstan: Discourse and Narratives (Review of the Journal “Russian Word in Kyrgyzstan”). *Shtab*. 17 September 2012 (in Russian)] <http://www.art-initiatives.org/ru/content/russkiy-yazyk-v-kyrgyzstane-diskurs-i-> (accessed: 28.10.2019).

Ночевка Ф. Великая телевизионная держава. Британские сериалы превратились в одно из самых мощных орудий британской «мягкой силы». *Коммерсант*. 29.09.2019 [Nochyovka F. Great TV Power. British

⁸ По существующему с 2015 г. рейтингу влияния «мягкой силы» государств мира, Британия постоянно занимает там лидирующие позиции, что эксперты связывают с качеством британских фильмов и телесериалов (кстати, Россия попала в этот список в 2016 г. и еще не поднималась выше 26-го места) [Ночевка, 2019].

⁹ Для благосклонного приема такого рода фильмов, сериалов и пр. в обществе уже существует не только лингвистическая (широкое владение русским языком), но и ментальная основа. Так, по результатам изучения Н. Мингишевой особенностей культурной глобализации в РК, рост интереса местной молодежи к корейским (мульти)фильмам и сериалам во многом объясняется их высокой «моральностью» и эмоциональностью. Исследователь проводит аналогию с популярными у молодежи, через каналы семейного общения, советскими фильмами и «мультфильмами», которые тоже «учили нас быть добрыми» [Mingisheva, 2019, p. 173, 175].

Serials Turned into One of the Most Potent Instruments of British “Soft Power”. *Kommersant*. 29 September 2019 (in Russian)] https://www.kommersant.ru/doc/4101318?from=main_4 (accessed: 20.12.2019).

Туристические потоки между Россией и Казахстаном в 2017 году. *Вести. Экономика*. [Tourist Flows Between Russia and Kazakhstan in 2017. *Vesti. Ekonomika*. 13 November 2018 (in Russian)] <https://www.vestifinance.ru/infographics/11561> (accessed: 10.08.2019).

Шкуренко О., Егупец А. Что Россия и Казахстан значат друг для друга? *Коммерсант*. 20.03.2019 [Shkurenko O., Egupets A. Russia and Kazakhstan: What Do They Mean To Each Other? *Kommersant*, 20 March 2019 (in Russian)] https://www.kommersant.ru/doc/3917333?from=main_spec (accessed: 10.08.2019).

Bissenova A. Social Change Unsettles Kazakhstan. *Current History*. October 2019. Pp. 271–275.

Blackburn M. Discourses of Russian-Speaking Youth in Nazarbaev’s Kazakhstan: Soviet Legacies and Responses to Nation-Building. *Central Asian Survey*. 2019. Vol. 38. No. 2. Pp. 217–236.

Dave B. *Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power*. London: Routledge, 2007.

Fierman W. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus. *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 6. Pp. 1077–1100.

Friess N. Young Russophone Literature of Kazakhstan and the “Russian World”. *Resignification of Borders: Eurasianism and the Russian World*. Ed. by N. Friess, K. Kaminskij. Berlin: Frank & Timme, 2019. Pp. 149–174.

Jašina-Schäfer A. Where Do I Belong? Narratives of *Rodina* Among Russian-Speaking Youth in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*. 2019(1). Vol. 71. No. 1. Pp. 97–116.

Jašina-Schäfer A. Everyday Experiences of Place in the Kazakhstani Borderland: Russian-Speakers Between Kazakhstan, Russia, and the Globe. *Nationalities Papers*. 2019(2). Vol. 47. No. 1. Pp. 38–54.

Kosmarskaya N., Kosmarski A. “Russian Culture” in Central Asia as a Trans-Ethnic Phenomenon. *Global Russian Cultures*. Ed. by K. Platt. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2019. Pp. 69–93.

Laruelle M. *The “Russian World”*. *Russia’s Soft Power and Geopolitical Imagination*. Centre on Global Interests, May 2015.

Laruelle M. Introduction. The Nazarbaev Generation. A Sociological Portrait. *The Nazarbaev Generation: Youth in Kazakhstan*. Ed. by M. Laruelle. Lexington Books, Boulder, 2019. Pp. 1–21.

Mingisheva N. Cultural Globalization and Youth Identity Construction. *The Nazarbaev Generation: Youth in Kazakhstan*. Ed. by M. Laruelle. Lexington Books, Boulder, 2019. Pp. 167–176.

Morrison A. Russian Beyond Russia. *Eurasianet.org* 20.04.2017. <http://www.eurasianet.org/node/83296> (accessed: 20.12.2019).

Shaibakova D. Russian Language in Kazakhstan in the 21st Century. *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies*. Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, M. Yelenevskaya. London: Routledge, 2020. Pp. 123–133.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОСМАРСКАЯ Наталья Петровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

САВИН Игорь Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Natalya P. KOSMARSKAYA, PhD (Development Studies), Senior Research Fellow, Center for Central Asian, Caucasian and Volga-Urals Studies of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Igor S. SAVIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Center for Central Asian, Caucasian and Volga-Urals Studies of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.